

Эти особенности адекватно передают свойства математических объектов, которые называют мультифракталами. Они подробно описаны в ряде монографий, например [2–4], а предложение по их применению в педагогике детально обсуждено в наших работах [5, 6].

Работа поддержана грантом РГНФ № 07–06–00638А от 2 марта 2007 г. «Разработка подхода к построению структуры содержания непрерывного естественнонаучного образования».

Литература

1. Леднев В. С. Содержание образования [Текст]: учеб. пособие / В. С. Леднев. М., 1989.
2. Фрактальная геометрия природы [Текст] / Б. Б. Мандельброт. М.: Ин-т компьютерных исследований, 2002.
3. Федер Е. Фракталы [Текст] / Е. Федер. М., 1991.
4. Божокин С. В., Фракталы и мультифракталы [Текст]: учеб. пособие / С. В. Божокин, Д. А. Паршин. М.; Ижевск, 2001.
5. Гапонцева М. Г. Понятия геометрии фракталов как язык объектов педагогики и теории научного знания. Ч. 1. Проблемы интеграции [Текст] / М. Г. Гапонцева, В. А. Федоров, В. Л. Гапонцев // Образование и наука: Изв. УрО РАО. 2009. № 2(59).
6. Гапонцева М. Г. Понятия геометрии фракталов как язык объектов педагогики и теории научного знания. Ч. 2. Содержание образования [Текст] / М. Г. Гапонцева, В. А. Федоров, В. Л. Гапонцев // Образование и наука: Изв. УрО РАО. 2009. № 4(61).

ОБЩЕСТВЕННАЯ ИНИЦИАТИВА В ДЕЛЕ ОБРАЗОВАНИЯ КРЕСТЬЯН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

А. М. Аллагулов
Оренбург

«Великие» реформы 60–70-х гг. XIX в. активизировали бурное социально-экономическое развитие России. В то же время вопрос, связанный с ликвидацией крестьянской неграмотности развивался крайне медленно. Количество существовавших сельских министерских и церковно-приходских школ явно было недостаточно. В этих условиях активизировалась общественность и в селениях стали появляться вольные крестьянские школы или как их именовали «домашние школы грамотности». При этом школам не оказывалось никакой поддержки со стороны властей, духовенства и земских учреждений. Но нарастающий общественный резонанс в защиту школ грамотности потребовал от Министерства народного просвещения издания циркуляра для попечителей учебных округов [1, с. 3], в котором впервые признается право существование вольных крестьянских школ и право для учителей на педагогическую деятельность. Властям вменялось в обязанность наблюдать, чтобы обучением в школах не занимались лица неблагонадежные в политическом и нравственном отношении.

После издания циркуляра Министерства народного просвещения количество школ резко возрастает. Так по данным А. С. Пругавина [2, с. 49] к 1889 г. число школ достигает 9217 против 84 в 1885 г. В разных местностях России предпринимаются попытки объединения небольших крестьянских школ с земскими. Наиболее способные из числа учеников земских школ становились учителями школ грамоты. Однако подобная практика не успела охватить все земские губернии. В 1884 и 1891 гг. были изданы новые Правила о школах грамоты, которые передали их Духовному Ведомству. Таким образом, предпринятая попытка организации начального обучения потерпела фиаско.

Школы грамоты были полностью подчинены Синоду. Земские учреждения полностью устранялись от всякого участия в деле устройства и наблюдения за этими учебными заведениями. Одновременно с этими Правилами был издан новый циркуляр Министерства, требовавший получать согласие епархиального училищного совета на открытие новой школы в селении, где имелась таковая Духовного Ведомства, что было весьма затруднительно. Для духовенства перекалывание бремени расходов на содержание школ грамоты было не подъемным.

Таким образом, государство полностью ставило деятельность школ грамоты под свой контроль, что было в духе господствующей охранительной государственной идеологии. Как указывал гласный Московского губернского земского собрания Самарин в своем докладе обер-прокурору К. П. Победоносцеву, что «...с меньшими затратами она давала народу главное – зачатки грамотности [3].

Школы грамоты могли открываться в городских и сельских приходах с разрешения приходского священника, а также при монастырях. Обучение в школе длилось два года, и ученикам преподавались в основном предметы религиозного содержания: Закон Божий, чтение церковно-славянского и русского, письмо, правила арифметики и церковное пение.

Финансовые трудности Духовного Ведомства привели к изданию циркуляра обер-прокурора, согласно которому бремя расходов на содержание школ должно было перекалываться на земства. Однако большинство земств выступило против данной инициативы. Хотя категорического отказа не последовало, но материальную помощь оказывали в незначительных размерах.

Несмотря на активные споры о возможности существования школы грамоты, они продолжали функционировать не замеченные властями. Причин тому несколько.

Во-первых, многие родители по материальной причине были не в состоянии обучать своих детей в училищах и школах. Они были вынуждены отдавать ребенка своему же односельчанину. Более того, число существующих училищ было крайне недостаточно и не могло удовлетворить потребности сельского населения в обучении. Не были исключением и отказы в приеме детей в школы по причине их переполнения.

Во-вторых, неравномерность расселения и отдаленности училищ и школ. Так, А. С. Пругавин приводит пример Гжатского уезда Смоленской губернии, где насчитывалось 28 министерских школ, причем в пяти волостях имелось по две школы, а десяти – не было ни одной [2, с. 50]. То есть, одна школа приходилась на 35 селений, а это более 60 процентов населения, находившихся в условиях, когда пользование официальной школой по тем или иным причинам крестьянам было недоступным. Сюда же можно отнести проблему включенности детей в сельскохозяйственные работы в весеннее и осеннее время.

Широкое распространение вольные крестьянские школы получили в столичных губерниях – Московской и С.-Петербургской, а также в центральных губерниях – Тверской, Ярославской, Рязанской, Тульской, Новгородской, Смоленской, Псковской, Орловской, Курской и Воронежской. Этот факт можно объяснить более высокой концентрацией крестьян в указанных регионах.

Положение школ грамоты было тяжелым. Помещениями для школ в основном служили избы крестьян, либо дома самих учителей. Собственные помещения имело очень небольшое количество школ грамоты. В 1893/94 уч. г. из 215 школ грамоты в Оренбургской губернии собственные помещения имели лишь 30 [4, с. 76]. Остальные школы размещались в малоудобных наемных квартирах, которые снимались на средства местных обществ и церквей.

Обучение в школах грамоты для крестьян было более привлекательным, нежели обучение в церковно-приходских. Обучение в школе грамоты проводилось законоучителем и преподавателем, причем последние в большинстве случаев не имели диплома учителя. В Оренбургской губернии в 1893 г. квалификацию учителя имело лишь 6 человек, а 84 ее не имели [5]. На первых этапах развития школы обучение проводилось грамотными людьми

ми – отставными солдатами, дьячками, крестьянами – самоучками, которые заключали договора с родителями. При этом оговаривались следующие условия: место проведения занятий, форма оплаты – в денежном выражении или в виде продуктов питания. Нередко крестьяне представляли учителю место для проживания. Достаточно часто в качестве вольных учителей выступали сами же крестьяне, получившие образование в официальных народных сельских школах и училищах.

Низкая заработная плата учителей вынуждала их искать дополнительный заработок.

Документальные данные свидетельствуют о постепенном сокращении школ грамоты, что было связано с проблемами ассигнования. С 321 в 1899 г. до 279 в 1905 [6]. Одновременно наблюдается рост недоверия к самоучкам, дьячкам, бывшим военным, являвшихся учителями в школах грамоты. Увеличивается число квалифицированных учителей.

Состав лиц, занимавшихся обучением крестьян, был разнороден как по происхождению, так и по уровню образованности. В то же время большинство составляли крестьяне.

Помимо обозначенных социальных страт с инициативой обучения крестьянских детей выступили представители дворянского сословия. Например, обучением крестьянских детей в селе Рогнедино Смоленской губернии занимался Герасим Михайлович Орел – дворянин по происхождению, бывший военный. На собственные средства им была учреждена школа для обучения крестьянских мальчиков, с которых он брал минимальную плату в размере 25 копеек. Этот подвижник дела просвещения около пятидесяти лет своей жизни отдал обучению крестьянских детей.

В целом можно сделать вывод о том, что школа грамоты – это переходная форма обучения. Нехватка финансовых средств у Правительства и в то же время нарастающая потребность в образовании активизировала поиск альтернативных моделей обучения.

В 80-е гг. XX столетия ситуация крайне меняется. Развитие министерских, церковно-приходских и земских школ привело к снижению значимости школ грамоты. Что объясняется тем, что материальное положение школ зависело от частного соглашения учредителей школы с родителями учеников и от размера требований хозяина квартиры и учителя. К тому же обучение находилось на очень низком положении. Между тем сами же крестьяне отмечали, что школы грамоты более свободны от формализма, легче приспособлены к потребностям сельской жизни, в них отсутствуют строгие ограничения в сроках поступления и количестве учеников.

Подводя итог, отметим, что благодаря усилиям школ грамоты, реформированию системы сельских министерских учебных заведений, расширения сети земских и церковно-приходских в 1891–1905 гг. отмечалось увеличение грамотности среди крестьян. Наиболее активно образование развивалось в земских губерниях: Московской, С.-Петербургской, Таврической, Тверской, Самарской, Пермской и не земских: Архангельской, Астраханской, Оренбургской, Донской. Хуже всего с грамотностью крестьян обстояло в Черниговской, Тамбовской, Бессарабской, Полтавской, Харьковской, Уфимской губерниях.

Литература

1. *Циркуляр* Министерства Народного Просвещения попечителям учебных округов от 14 февраля 1882 года. № 1931 [Текст] // Журн. М-ва нар. просвещения. 1882. № 7.
2. Пругавин А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания [Текст] / А. С. Пругавин. 2-е изд. СПб., 1895.
3. ГАРФ. Ф. 543. Оп. I. Д. 263. Л. 6.
4. *Отчет* о состоянии церковно-школьного дела в Оренбургской епархии за 1893/94 учебный год. Оренбург, 1896.
5. ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 95. Л. 216.
6. ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 112.